

А. П. Садохин¹ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
КАК ФАКТОР ДИАЛОГА КУЛЬТУР

В современной практике взаимодействия языков в российских республиках существуют два подхода. Первый опирается на идею лингвистической экологии, согласно которой каждый язык должен сохраняться любыми возможными способами, несмотря на его востребованность в конкретной культурной среде и экономические издержки. Сторонники этого подхода рассматривают этнические сообщества с позиций социобиологического подхода как своего рода коллективные тела, а потому и язык оценивают соответствующим образом. Натурфилософское понимание культурных явлений позволяет относиться к языкам так же, как к вымирающим животным и растениям, и составлять красные книги языков. Между тем культура не есть некий застывший канон. Она постоянно меняется, а равно меняются и языки, их роль, приверженность к ним со стороны представителей разных культурных сообществ.

Второй подход опирается только на принципы права и базируется на двух ключевых культурных правах — на отличие и на культурную свободу. Первое право означает, что культурное своеобразие есть неотъемлемое право каждого человека, второе подразумевает, что человек сам вправе выбирать культурные ценности и нельзя их навязывать. То есть *если язык больше не востребуется, сохранить его невозможно*.

В политико-идеологическом плане любой этнический язык сегодня выступает как основа идеологии этнического национализма, рассматривается как своеобразный легитиматор власти и инструмент культурной и политической сепарации общества. Этнические антрепренеры являются самыми активными пропагандистами идеи «язык есть власть», но особенно очевидно такое отношение к языку в республиках, входящих в состав России. Местные этнические активисты сформировали вполне завершённые версии идеологии этнического национализма на базе двух ключевых идей: приоритета «коренного народа» и его особых политических, экономических и культурных прав, а также группового права как способа консервации культурной отличительности.

Социумы в этих республиках рассматриваются этническими идеологами и активистами не как сообщества равноправных граждан, а как иерархически организованные сообщества, представленные в форме пирамиды, на вершине которой находится «коренной

народ», а в основании — «некоренное население». При этом понятие «коренной народ» фактически интерпретируется как «главный народ». А поскольку он «главный», то его культурные ценности, включая язык, есть ценности не только приоритетные, но и интегрирующие: представители всех других этнических групп («некоренное население») должны принять их как свои, и, кроме того, можно навязывать эти ценности с помощью государственных институтов. Поэтому в ряде республик сформировались соответствующие образовательные концепции и практики, а также их правовое оформление. На их основании в Татарстане, Республике Коми, Мордовии, Марий Эл, Чувашии было введено обязательное изучение языков титульных народов, при том что в Коми представители титульного этнического сообщества составляют только 23 % населения республики, а почти 40 % коми во время последней переписи населения назвали русский своим родным языком.

При этом для большинства жителей республик, включая представителей так называемых «коренных народов», русский язык является основным средством общения во всех сферах. Языковые ориентации в последние годы не менялись, несмотря на придание языкам титульных народов статуса государственных, разработку региональных программ развития этих языков, осуществление активных мер их государственной поддержки. Более того, позиции русского языка только усиливаются, что некоторыми этническими антрепренерами рассматривается как процесс русификации меньшинств. На самом деле это усиление есть следствие сознательного выбора огромного количества самостоятельно мыслящих граждан, чьи социальные и культурные ориентации строятся на рациональной основе, а не на алармистских идеях, предрекающих «вымирание» языков.

Сохранение языков меньшинств считается важнейшей политической задачей этнически ориентированных региональных элит. Но поскольку значительная часть этнических сообществ не желает «добровольно» сохранять и изучать «свой» язык, то необходимо, по мнению сторонников «самобытности», во-первых, клеймить «отступников», а во-вторых, найти основания для того, чтобы заставить всех членов «своей» культурной группы изучать их «родной» язык, даже если они признают родным не язык своей этнической группы, а язык культурных соседей.

Чтобы закрепить личность за группой, этнические антрепренеры не только пытаются воздействовать на нее путем призыва к коллективной солидарности, но и требуют коллективных санкций против «этнических отступников», причем полагают, что государство должно занять позицию гаранта нерушимости границ между этническими группами, выступая тем самым за внедрение в практику региональной этнополитики советской модели фиксации этнической принадлежности

¹ Профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «The Cultural Image of Korea in Russia-Korean Dialogue of Cultures», «Политические ресурсы и инструменты местного национализма в современной России», «Ресурсы этнической идентичности в современной России», «Культурология в лабиринте современных образовательных императивов», «Социокультурные контексты и дискурсы формирования гражданского общества в России» (в соавт.), «Этнический национализм в России: идеология и политические практики (на примере регионов с финно-угорским населением)» (в соавт.) и др. Главный редактор рецензируемого журнала «Культура и цивилизация».

сти личности или модели, которую можно охарактеризовать как «этническое крепостное право».

Сторонники таких взглядов, по сути, отрицают идею субсидиарности, провозглашающую, что права человека являются первичными по отношению ко всем другим правам, должны безоговорочно уважаться и не становиться предметом научных и этнополитических спекуляций, как это часто имеет место сегодня.

Чтобы аргументировать воздействие на государственные институты и побудить их к действиям, которые способствовали бы принятию решений, позволяющих навязывать язык хотя бы членам отдельной этнической группы, часто прибегают к идее так называемых «специальных языковых прав», которыми якобы обладает культурное сообщество в целом. Но сама идея групповых прав противоречит праву как таковому, сущности правового регулирования, ибо языковые и этнические сообщества не имеют четких и стабильных границ и, следовательно, не могут выступать в качестве *субъекта права*.

Данные исследований, проведенных в апреле и мае 2017 года в ряде российских регионов, в том числе в Республике Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, показали, что подавляющее большинство родителей школьников, самих школьников и студентов признают значимость этнокультурного образования и выступают за то, чтобы такое образование получало дальнейшее развитие. Что же касается изучения языков титульных этнических групп, то, как и ожидалось, за обязательное изучение языков титульных групп высказалось меньшинство опрошенных, а идея полного перевода образования на языки меньшинств вообще не получила поддержки, в том числе и со стороны респондентов и экспертов из числа титульного населения республик.

Важно отметить, что реальные проблемы развития и сохранения языков часто оттеснены на второй план совместными усилиями этнических антрепренеров и региональных филологов, которые пытаются не столько решать проблемы языкового развития, сколько усложнять языковую ситуацию и отношения

между культурными группами. Введение обязательного изучения языков титульных этнических групп привело к открытому конфликту интересов между представителями титульных групп и нетитульным населением, который до сих пор не разрешен полностью. А само языковое развитие рассматривается не только как возможность для местных филологов заработать и получить известность, но и как карт-бланш на проведение языковых экспериментов.

Особую популярность, в частности у филологов из регионов, в которых проживают уральские народы, приобрел пуризм, который, казалось бы, изжил себя еще в XIX веке. В последние 20 лет словарный состав коми, удмуртского, марийских и мордовских языков пополнился многими тысячами новых слов. Простые носители языков уже перестают понимать тот язык, на котором с ними пытаются говорить со страниц прессы и с телевизионного экрана. Но общественным приговором пуризму является прогрессирующее отторжение новояза.

Между тем до сих пор не решена проблема создания единого литературного карельского языка, актуальной проблемой является нормирование многих языков. Ни в одной из республик *нет продуманных и целостных программ формирования имиджа языков титульных этнических групп*, в то время как в мировой практике языковой политики, особенно в сложносоставных сообществах, именно этому направлению уделяется особое внимание. В таких программах на первое место выдвигается задача формирования общественного мнения о престижности языка, но с ней тесно связана и задача так называемого «языкового маркетинга», решение которой призвано изменить языковое поведение носителей недоминантных языков, а сам язык представляется как своеобразный продукт, и в сфере общественного потребления рекламируются преимущества и достоинства этого продукта.

Все вышесказанное означает, что необходимо срочно и радикально менять основополагающие принципы языковой и этнокультурной региональной политики.